

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

1800–1917

---

*биографический
словарь*

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ 1800–1917

---

*биографический
словарь*

**Б
С-Ч**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Б.Ф. ЕГОРОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н.А. БОГОМОЛОВ, В.А. ВИКТОРОВИЧ, Т.М. ГОРЯЕВА,
А.Л. ЗОРИН, А.В. ЛАВРОВ, Ю.В. МАНН,
В.А. МЫСЛЯКОВ, Р.Д. ТИМЕНЧИК.

МОСКВА
НАУЧНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«БОЛЬШАЯ РОССИЙСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НЕСТОР-ИСТОРИЯ»

2019

ХЛЕБНИКОВ Велимир [наст. имя и отчество Виктор Владимирович; 28.10(9.11).1885, зимняя ставка Малодербетов. улуса Астрахан. губ. (ныне с. Малые Дербеты) — 28.6.1922, д. Санталово Крестецкого у. Новгород. губ.; похоронен в д. Ручьи Крестецкого у. Новгород. губ.; в 1960 перезахоронен (по др. версии, кенотаф) на Новодевичьем кладб. в Москве], поэт, прозаик, теоретик авангарда, мыслитель-утопист.

Отец, Вл. Ал. (1857–1934), из семьи астрахан. купца 1-й гильдии, орнитолог и лесовод, автор трудов по биологии, этнографии калмыков; служил по ведомству Мин-ва земледелия и гос. имущества, в т.ч. в лет. годы Х. попечитель Малодербетов. улуса Калмыцкой степи (1885–91). Мать, Ек. Ник. (урожд. Вербицкая; 1849–1936), из чернигов. дворян, двоюродная сестра народовольца А.Д. Михайлова, навещавшая его в Петропавлов. крепости во время следствия; эпизоды ее биографии, в т.ч. учеба в Смольном ин-те благородных девиц, отражены в поэме Х. «Ночь перед Советами». Ее увлечение историей повлияло на будущего поэта Х. — один из 5 детей. Младшая сестра — Вера (1890–1941), художница, наиб. близка его творч. поискам; с братом Ал-дром (1887–1920?), естественником по образованию, Х. сближали науч. интересы.

Первые шесть лет провел в степи, «в стане монгольских, исповедующих Будду, кочевников» (Автобиограф. заметка. — Х л е б н и к о в В., Собр. соч., 2000–06, т. 6, ч. 2, с. 243; далее ссылки на это изд. с указанием тома и страницы) — отсюда калмыцкая и, шире, буддийская тема

в его творчестве (см.: Х. и Калмыкия). Затем в связи с новой службой отца живет в с. Подлужное Ровен. у. Волынь. губ. (1891–95), с. Помаево Буинского у. Симбирской губ. (1895–98). Здесь написано самое раннее из дошедших до нас стих. Х. «Птичка в клетке» (1897).

В 1897 поступил в 3-й кл. Симбирской г-зии; после переезда семьи в Казань в 1898 окончил 3-ю казан. г-зию (1903; здесь проявились его матем. способности, поощряемые препод. Н.Н. Парфентьевым, под чьим влиянием Х. в том же году поступает в Казан. ун-т на матем. отд. физико-матем. ф-та).

Кочевая жизнь семьи, раннее знакомство с разнообразным этнич. укладом России привили Х. страсть к странствованиям, что позже, особенно в период Гражд. войны, стало его *modus vivendi* и сделало свидетелем широчайшего диапазона событий.

Летом 1903 участвовал в геологич. экспедиции в Дагестан (впечатления от нее — в стих. «Вам», 1909, и др.). В нояб. за участие в студенч. демонстрации задержан полицией и ок. месяца провел в пересыльной тюрьме, где познакомился со студентом-юристом П.В. Кузнецовым; весной жил у него на хуторе Терпино, близ с. Бурмакино Ярослав. губ., а вернувшись в Казань, неск. мес. посещал собиравшийся у него же ист.-лит. кружок (см.: Парнис А.Е., Из истории хлебниковедения. — В кн.: Х. и Калмыкия, с. 68–71). В авг. 1904 перевелся на 1-й курс естеств. отд. ун-та. После закрытия ун-та на год в связи с Революцией 1905 половину этого года занимался с братом Ал-дром орнитологич. иссл. на Сев. Урале.

В ходе занятий Х. по общей биологии и орнитологии написаны статьи: «О нахождении кукушки, близкой к *Cuculus intermedius* Vahl., в Казанском у. Каз. губ.» [в кн.: Протоколы заседаний Об-ва естествоиспытателей при Имп. Казан. ун-те (1906–07), прил. № 240, Каз., 1908, на обложке — 1908] — первая публ. Х.; «Опыт построения одного естественновуач. понятия» («Метабиоз») («Вести студенч. жизни», 1910, март, б.п.) и совм. с А.В. Хлебниковым ст. «Орнитологич. наблюдения на Павлинском заводе» («Природа и охота», 1911, № 12). Судя по черновым записям разного времени, Х. привлекали и др. естественно-науч. дисциплины (геология, минералогия, астрономия, химия), он черпал в них материал для худож. текстов.

С ранней юности он активно интересовался лит-рой: следил за ж. «Весы», «Золотое руно», «Аполлон», стихами Ф. Сологуба, знакомился с произв. Э. Верхарна, Ж. Гюисманса, М. Метерлинка, Ш. Бодлера, П. Верлена (на франц. яз.). В 1904 послал М. Горькому написанную под его влиянием пьесу «Елена Гордячкина» (не сохранилась; см. о пьесе в письме Х. к Горькому от 25 авг. 1904 — т. 6, ч. 2, с. 111–12; комм. с. 298); несмотря на отказ в публ., был, по восп. сестры Веры, польщен отзывом писателя (Парнис А.Е., К истории лит. дебюта Х. — В сб.: Vittorio..., М., 2005, с. 541; там же

первые: сценка из черновиков «Елены Гордячкиной», с. 544).

К сер. 1900-х гг. относится неск. посвященных науч. и филос. вопросам текстов, свидетельствующих как о широком круге чтения Х. (Ч. Дарвин, Б. Спиноза, Г.В. Лейбниц, Вл. С. Соловьёв и др.), так и об оригинальности его ума: прозаич. фрагменты (посм.: т. 6, ч. 1) «Пусть на могильной плите...» и «О пяти и более чувств <ах>» (1904), ряд набросков под общим загл. «Еня Воейков» (1904–06). В заметке 1907 «О будущем человека» (опубл. в кн.: Д у г а н о в, 1990) утверждает, что рост численности населения Земли и увеличение массы человек. мозга приведут к последствиям планетарного масштаба — возникновению «мыслезема»: «Поистине: земля волит быть мозгом!» (т. 6, ч. 1, с. 14; ср. с концепцией ноосферы у В.И. Вернадского); образ мозга присутствует у Х. в произв. разных периодов.

Весной 1908 послал 14 стих. Вяч.И. Иванову, к-рого со временем стал считать своим учителем (личное знакомство — летом того же года в Судаче). По-видимому, получив от него одобрит. ответ, переводится на 3-й курс естеств. отд. физико-матем. ф-та Петерб. ун-та, а в 1909 на 1-й курс славяно-рус. отд. ист.-фил. ф-та. В июне 1911 исключен за невзнос платы.

Тексты, посланные Иванову, — плоды «первого отношения» Х. к слову, его попыток найти «волшебный камень превращения всех славянских слов, одно в другое», создать «самовитое слово вне быта и жизненных польз» (т. 1, с. 8). Еще в программном очерке «Курган Святогора» (1908; посм. — т. 6, ч. 1) он назвал два вдохновлявших его словотворчество источника: «доломерие Лобачевского» (неевклидову геометрию) и «живой и сущий в устах народных» язык (там же, с. 25). Установка на обновление языка была частью более широкой культурной и идеологич. программы Х. Он заявляет о желании «освободить» не только словесность, но и рус. народ в целом от иностр. влияний, к-рым был подвержен и сам «великий Пушкин».

Мн. произв. Х., особенно ранние, насыщены словоформами, созданными из разл. комбинаций слав. корней, суффиксов, приставок. В дальнейшем он экспериментировал со звукописью («Бобзоби пелись губы...», 1908–09), с «птичьей речью» («Мудрость в силке», 1912 или 1913), «языком богов» (пьеса «Боги», 1921) и др. «языками».

Познакомившись в 1908 с секр. редакции ж. «Весна» В.В. Каменским, помещает там первую собственную лит. публикацию — насыщенный гротескными образами и неологизмами стих. в прозе «Искушение грешника» (1908, № 9; по мнению матери Х., «это ему вскружило голову» — см. ее письмо Екатерине, сестре Х., окт. или дек. 1908; из фонда Дома-музея В.В. Хлебникова в Астрахани). В том же году Х. выступает как публицист с «Воззванием учащихся славяя» (газ. «Вечер», 16 окт.; б.п.), гневной реакцией на аннексию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией (перепечатано в неск. газетах и вывешено в ун-те);

в нояб. участвует в студенч. забастовке.

Х. увлекается в лит. и богемную жизнь Петербурга. Зимой 1909 становится членом символист. «Академии стиха», собиравшейся в ред. ж. «Аполлон», и неск. раз выступает на ее заседаниях, но в февр. 1910 оттуда «изгнан». Пребывание Х. в «Академии...» отразилось в сатирич. стих. «Передо мной варился вар...» и «Карамора № 2-ой» (оба — 1909; посм. в кн.: Х л е б н и к о в в В., Неизд. произв., М., 1940; далее ссылки на это изд.: НП) и в пародийных пьесах (оба — 1909) «Чёртик» (впервые поврежд. текст в сб.: Творения 1906–1908, [Херсон], 1914; посм.: т. 4) и «Маркиза Дзэс» (в сб.: Садок судей 1, СПб., 1910). Сюжеты пьес отчасти навеяны признанием Х. в модернист. кругах Петербурга, в т.ч. не состоявшейся в 1909 публикацией в «Аполлоне». Пародийному началу служат отзвуки-перепевы известных произв.; в «Чёртике» — 2-й ч. «Фауста» И.В. Гёте, «Балаганчика» и «Незнакомки» А.А. Блока, а в «Маркизе Дзэс» — «Повестей Белкина», «Пира во время чумы» А.С. Пушкина и «Горя от ума» А.С. Грибоедова (по свидетельству Р.О. Яacobсона, Грибоедов и А.К. Толстой — среди «любимых поэтов» Х.).

С 1909 посещает «башню» Вяч. Иванова, к-рый посвятил ему стих. «Подстерегателью»; Х. отвечает посвящением ему еще не напечатанного тогда программно-го стих. в прозе «Зверинец»; этот творч. диалог продолжался почти до конца жизни Х. В письме к матери от 16 окт. 1909 называет себя «подмастерьем» М.А. Кузмина, к-рый в дневнике отмечает ранние произв. Х. как «гениально-сумасшедшие» (цит. по: Парнис А., Х. в дневнике М.А. Кузмина. — В кн.: М. Кузмин и рус. лит-ра 20 в. ..., Л., 1999, с. 162). Поэту также было близко творчество А.М. Ремизова, с к-рым «слова разбирали» (Ремизов в А.М., Кукха. Розановы письма, СПб., 2011, с. 63). С 1909 чл. Пушкинского семинария С.А. Венгеров (сб. «Пушкинист», в. 1, СПб., 1914, с. 239); интерес к Пушкину (со знаками плюс или минус) проходит сквозь все творчество Х.

Впечатление от встречи с Х. на «башне» описывает нем. поэт-переводчик Й. фон Гюнтер: «Очень худой, довольно высокий; ржанные волосы расчесаны на пробор; под высоким и широким лбом рассеянные, волнистые глаза чулка... Он вынул из кармана несколько смятых листков... но то, что он читал, было настолько не похоже на стихи символистской школы, что мы все переглянулись от удивления... Тут были... невероятные образы... прежде всего совершенно необычный, поначалу кажущийся произвольным язык, обыгрывающий архаические корни слов» (в его кн.: Жизнь на восточном ветру, М., 2010, с. 208).

Х. участвует и в полит. жизни столицы. В 1909–10 чл. монархич.

Рус. академич. корпорации студентов Петерб. ун-та. Националистич. взгляды тех лет отразились в поэме «Внучка Малуши» (1909) и в пьесе «Снежимочка» (1908) — насыщенной фолькл. материалом и неологизмами переделке «Снегурочки» А.Н. Островского и одним. оперы Н.А. Римского-Корсакова. Наиб. полное выражение эти взгляды находят в поэме «Песнь мне» (1910; посм.: НП), где имя Степана Разина, эмблематичное и для дальнейшего творчества Х., появляется как символ антизападных настроений.

В февр. 1910 вектор биографии Х. резко меняется. Он знакомится с новаторами — художниками и поэтами: братьями Д.Д., В.Д., Н.Д. Бурлюками, М.В. Матушиным, Е.Г. Гуро. В альб. «Студия импрессионистов» (СПб., 1910) опубликован программный эксперимент — стих. «Заклятие смехом», построенное на сочетании корня «смех-» с «чужими» формальными элементами, и «Трущобы» (авт. назв. «Олень»). Тогда же Х. принял деятельное участие в подготовке фактически первого футуристич. сб. «Садок судей» (СПб., 1910, назв. предложено им), к-рый бросал вызов символистам и мирискуснич. изданиям не только содержанием, но и внешним видом: напечатан на оборотной стороне обоев, тексты набраны без ятя и ера. Х. поместил здесь «Зверинец», оставив посвящение Иванову, несмотря на разрыв с «башней», пьесу «Маркиза Дэзес», а также 1-ю ч. поэмы «Журавль». Два последних произв. объединяет тема «восстания вещей», впоследствии подхваченная В.В. Маяковским.

В рец. на сб-к Н.С. Гумилёв, назвавший Х. «визионером», отметил: «Его образы убедительны своей нелестностью, мысли — своей парадоксальностью. Кажется, что он видит свои стихотворения во сне и потом записывает их, сохраняя всю бессвязность хода событий» («Аполлон», 1911, № 5, с. 77).

Весну и часть лета 1910 Х. проводит в д. Чернянка Херсон. губ., в семье Бурлюков (весной 1912 побывал здесь вновь). Оставленные там рукоп. Х. произвели большое впечатление на Б.К. Лившица: «На четвертушках, на полулистах, вырванных из бухгалтерской книги, порою просто на обрывках мельчайшим бисером... Столбы каких-то слов вперемежку с датами исторических событий и математическими формулами, черновики писем, собственные имена, колонны цифр» (в его кн.: Полуторгалзый стрелец..., Л., 1989, с. 334).

В нач. 1910-х гг. Х. становится вдохновителем и неформальным главой группы футуристов «Гилея» (Д. Бурлюк — организатор; Каменский, Гуро, Лившиц, также А.Е. Кручёных и Маяковский, с к-рыми поэт познакомился весной

1912). В 1912 футуристы начинают выпускать малотиражные «самописные» («саморунные», по слову Х.) литогр. книги. В таком виде выходит шуточная поэма «Игра в аду», написанная Х. совм. с Кручёных (М., 1912; рис. Н.С. Гончаровой; 2-е изд. — СПб., 1914; илл. К. Малевича, О. Розановой). Реакция критики была отрицательной; лишь С.М. Городецкий, назвавший Х. «талантливым», отметил, что в поэме, построенной «музыкально, без уважения к категориям времени и пространства ... немало сильных и красивых стихов» («Речь», 1912, 21 окт., с. 5); позднейший отзыв Якобсона: «почти что пародийная версификация», «пародия на пушкинский стих» (в его кн.: Будетлянин науки..., М., 2012, с. 26). В общей с Кручёных книге «Мирсконца» (М., 1912; рис. Гончаровой и М.Ф. Ларионова) Х. выступил с рядом коротких стих. На одно из них, четверостишие «О, достоевским бегушей тучи...», построенное на именах рус. классиков, обрушилось негодование некоего Nemo (предположительно Д.С. Соколов): «бредовая абракадабра», «...пачкайте бумагу чем угодно, но не смейте упоминать имена Достоевского и Пушкина!» — «Раннее утро», 1912, 8 дек., с. 5).

В своей первой книжке — бр. с флейс. «разговором» «Учитель и ученик. О словах, городах и народах» (Херсон, 1912) — Х., в частности, излагает собств. теорию «внутр. склонения слов». С этой концепцией связано частое использование в его стихах паронимич. конструкций: («Гроб / Греб / Добролюбиво...» (ср. в 1919 у Маяковского: «Гроб / Греб / Гриб») и, шире, его установка на обыгрывание связей между звуковой тканью и семантикой поэтич. текста. Здесь же Х. впервые обнародовал идею периодичности сходных ист. событий, придав им форму матем. уравнения; в дальнейшем введенные в него числа 365, 317 и 48 будут фигурировать в его трактатах о природе времени и в худож. текстах. Эта концепция связана с давним намерением Х. найти «законы времени» (т. 1, с. 9), глубинную причину ист. и природных катаклизмов. Ссылаясь на открывающуюся возможность предвидения будущего, Ученик, ранее alter ego поэта, задает вопрос «не следует ли ждать в 1917 г. падения государства?» (ср.: Баран Х., Были Хлебников Кассандрой? Об одном предсказании главы будетлян. — В кн.: Авангард и остальное, М., 2013).

Решение Х. дебютировать в отд. книжке не стихами, а «ученым трудом» (ответ на анкету Венгерова — т. 6, ч. 2, с. 241) свидетельствует о значении, какое он смолоду при-

давал своим изысканиям. В дальнейшем он все больше становился, по собств. выражению, «числяром», не без самоиронии замечая, что «утонул в болотах вычислений, и его насильственно спасали» (ст. «Ляля на тигре», 1916 — т. 6, ч. 1, с. 259).

В 1912 вышел боевой сб-к рус. футуристов «Пошечина общественному вкусу», к-рый открывался одним. манифестом (подписан Х., Д. Бурлюком, Маяковским, Кручёных). Авторы манифеста позиционировали себя как новое явление в культуре и эстетике, провозглашали приход «Самоценного (самоовитого) Слова» («Пошечина...», М., 1912, с. [4]). «Только мы — лицо нашего Времени»; «Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. с Парохода современности» и т.п. Однако ниспровержение классиков не коснулось Н.В. Гоголя, чья поэтика оказывала немалое влияние на худож. систему Х. в течение всей его творч. жизни; укр. темы и мотивы в его стихах проникнуты отзвуками гоголевской прозы.

Вслед за «Пошечинной...» гилейцы опубликовали сб-ков: 1913 — «Садок судей II» (СПб.), «Требник троих» (М.). «Союз молодёжи 3» (СПб.; вместе с одним. об-вом художников), «Дохлая луна» (М.), «Трое» (СПб.), «Затычка» (Херсон, на обложке — М.), «Молоко кобылиц» (там же), 1914 — «Рыкающий Парнас» (СПб.), «Первый ж-л русских футуристов», № 1–2 (М.). Произв. Х. составляли значит. часть каждого из этих изд.

В «Пошечине...» напечатаны произв. Х., в осн. написанные до возникновения «Гилеи»: это поэмы «И и Э. Повесть каменного века» (с автотолкованием) и «Змей поезда. Бегство», пьеса «Девий бог», стих. «Памятник», заметки «Образчик слововещств в языке» (разработка авиац. терминологии от корня «лет-») и «Взор на 1917 год», а также стихотв. цикл «Конь Пржевальского» (назв., предложенное Д. Бурлюком, немало на необузданную энергию и дикость мира природы и читалось как метафора футуриста-будетлянина), в к-ром представлена подборка творч. находок, характерных для лирики Х.

Это звукопись, выходы в сферу фольклора, подчас — сюжетное начало (в стих. «Трущобы», или в набр. пространном «Понимый — кем, почему я знаю?...», где трансформированы мотивы лермонтовского и врублевского «Демона»). В миниатюре «Кузнечик» присутствует образчик «самоовитого слова» к р ы л ы ш к у я и через анаграмматически зашифрованный полонизм «крул» («король») дан мифопоэтический образ поэта — короля поэзии (см.: Парни и с. А.Е., Об анаграмматич. структурах в поэтике футуристов. — В кн.: Р. Якобсон. Тексты, док-ты, иссл., М., 1999, с. 852–54).

Поэмы в «Садке судей» и «Пошечине...» — ранние примеры обращения Х. к большой форме, продолжающегося всю жизнь и принесшего особенно значит. результаты в годы Гражд. войны. Х. написал ок. 50 поэм, разнообраз-

ных по содержанию, композиции и стилистике.

Среди них – ироикомич. поэмы и произв. с опорой на риторич. стиль 18 в., а также с обращением к «легкому» языку Пушкина и его современников. В ряде случаев видна установка на театр: полностью или частично поэмы структурированы как драматич. диалоги. Для нек-рых характерна открытая композиция – результат свободного нанизывания сцен и мотивов. В целом поэмы Х., лишь часть из к-рых опубл. при его жизни, являются наиб. доступными для его читателя произв.: в них сюжетность сочетается с захватывающим полетом фантазии. Опыты Х. в области поэмы способствовали расцвету жанра в рус. поэзии 1920-х гг. (см.: Markov V., The Longer Poems of V. Khlebnikov, Los Angeles, 1962, p. 36–37).

Сюжет поэмы «И и Э» восходит к пов. Г. Уэллса «A Story of the Stone Age». Х. читал ее в одном из существовавших тогда рус. пер.; подзаг. поэмы воспроизводит по-русски англ. заглавие). Это уникальная попытка Х. взглянуть на мир глазами первобытного человека: «И в ритмах, и в путанице синтаксиса так и видишь испуганного дикаря, слышишь его взволнованные речи...» (Гумилев Н., Письмо о рус. поэзии. – «Аполлон», 1914, № 1, с. 125).

Апокалиптич. сюжет поэмы «Журавль» (1909) разворачивается в Петербурге, где «Из желез / И меди над городом восстал, грозя, косяк, / Перед которым человечество и все иное лишь пустяк» (т. 3, с. 19). В «Гибели Атлантиды» («Садок судей II») поэт трансформирует антич. сюжет и выстраивает кинематографич. композицию, включающую элементы его теории временных циклов. Поэмы «Шаман и Венера» (там же) и «Вила и леший» (полностью в первом отдельном поэтич. сб-ке Х. «Ряв!», СПб., 1913) являют собой примитивистские идиоллии, построенные на мифологич. материале, трактуемом с легкой улыбкой. В поэме «Хаджи-Тархан» (сб. «Трое» он поет восточную Астрахань, создавая калейдоскоп мотивов и образов, отражающих насыщенную событиями многонац. культуру города и края («Ах, мусульмане те же русские, / И русский может быть ислам»); здесь же напечатаны два рассказа – «Николай» и «Охотник Уса-Гали», подсказанные реальными фактами из жизни астрахан. земляков Х. В поэмах 1910–11 «Медлум и Лейли» и незаверш. «Напрасно юноша кричал...» (обе поэм.: НП) отражен устойчивый интерес Х. к культурам Азии, чтение разл. источников (поэмы Низами «Лейли и Меджнун», «Очерков Мордвы» П. И. Мельникова-Печерского, труда В. В. Григорьева «Россия и Азия» и др.). Поэма «Война – смерть» (неавторское назв., полностью – сб. «Союз молодежи 3»), языковой tour-de-force, целиком построена на неологизмах: «Немотичей и немичей / Зовет взы-

скующий сушел, / Но новым грохотом мечей / Ему ответит будущел» (т. 3, с. 49).

Нек-рые из довоен. поэм, как и «славянские» стих., тематикой и стилем близки к неопримитивист. творчеству художеств. единомышленников Х. – Б. Д. Григорьева, Ларионова, Гончаровой, а также к Н. К. Рериху, И. Ф. Стравинскому, Ремизову, Городецкому как автору «Яри».

Вслед за «Еленой Гордячкиной» Х. создал ряд коротких драматич. проб в разл. аспектах театр. жанра. Большинство из них – Lesedramen, пьесы для чтения, восходящие к опытам нем. романтиков. Как и в «Чёртике» и «Маркизе Дезес», в двух коротких пьесах ошутимо экспериментальное начало: это «Госпожа Ленин» (1909, впервые в сб. «Дохлая луна», М., 1913), где действующие лица – «голоса» разных чувств женщины, находящейся в психиатрич. больнице, и «Мирсконца», где жизнь героев, супругов Поли и Оли изображена от старости и похорон до прогулки в дет. колясках (эта тема обратного течения времени прокомментирована Х. в письме 1913 к Кручёных: «... судьбы в их смешном часто виде никогда так не могут <быть> поняты, как если смотреть на них с конца...» («Творения», с. 689)).

Пьесу-мистерию «Девий бог», по словам Х., «не имеющей ни одной поправки, возникшей случайно и внезапно, как волна, выстрел творчества» (т. 1, с. 9), объединяет с поэмой «И и Э» тема смерти, воскрешения и перерождения героя. Действие происходит в язык. Киеве, куда прибывает неизвестный – Девий бог. Несмотря на слав. фон, сюжет построен на основе мифов о Дионисе-Вакхе и об Артемиде и Актеоне, а также на индуист. мифах о Кришне.

Наиб. смелое по замыслу довоен. произв. Х. «сверхповесть» «Дети Выдры» (после конфискации из-за «порнографич.» рис. Д. Бурлюка и П. Н. Филонова сб-ка «Рыкающий Парнас», где она была опубл., сохранились лишь отд. экз.) скомпонована из поэтич. и прозаич. произв. 1911–13 (об истории первой публ. см.: Кручёных А., Наш выход. К истории рус. футуризма, М., 1996, с. 128); в ней 6 частей – «парусов» (архитектурный термин), по мысли автора, автономных отрывков, «каждый с своим особым богом, особой верой и особым уставом» (т. 5, с. 306). Гл. герои – мифологич. пара, Сын и Дочь Выдры, – совершают путешествие сквозь время и пространство, то созерцая события мировой истории, то участвуя в них, воплощаясь в персонажей отд. сюжетов. Сложный монтаж тем и образов в значит. мере является итоговым для Х. довоен. периода, в нем представлены важнейшие элементы его мировоззрения. В по-

следнем «парусе» – «Душе Сына Выдры» – действие происходит в сознании героя, тождественно автору: на подмостках беседуют карфагенянин Ганнибал и его противник Сципион, а также слав. персонажи, встречавшиеся и в др. соч. поэта (Н. Коперник, М. В. Ломоносов, Ян Гус, князь Святослав, Емельян Пугачёв, Степан Разин, А. П. Волынский). На композиции проливает свет фрагмент черновика: «Подмостки перенесены из мира в мозг ... законы мозга более гибки, чем мира, мыслимое больше бывающего» (цит. по: Баран Х., Реставрация лит. памятников. «Сверхповесть» Х. «Дети Выдры»: об одной архивной находке. – НЛО, 2005, № 5, с. 192). Такой замысел мог возникнуть под влиянием монодрамы Н. Н. Евреинова «В кулисах души» (1911) и его теории «театра для себя» (подробнее: Баран, указ. соч.).

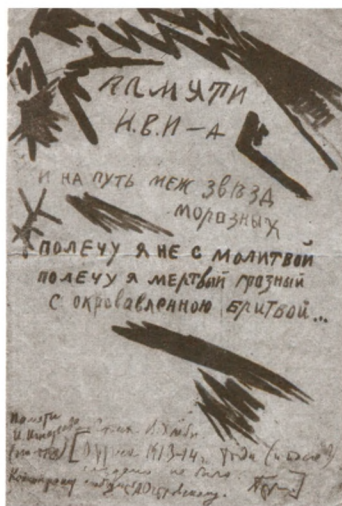

Рис. худ. О. В. Розановой к стих. В. Хлебникова «Памяти И. В. Игнатьева». Листовка (отд. оттиск). 1914; с автографом А. Е. Кручёных.

В произв. довоен. периода Х. уже проясил себя как новатор в области стиха. Д. Вараввин (Ф. Вермель), автор первой стиховедч. работы о Х., рассмотрев ряд его дольников, заключил, что в сфере ритмики Х. – «истинный vates нового искусства» («Моск. мастера», с. 89). Стиховеды указывают на перебой ритма как главенствующее звено его ритмич. системы (С. П. Бобров), а также (Якобсон) отмечают, что, наряду с ударным и др. новыми формами стиха, для Х. характерно уточненное использование традиц. размеров 19 в.

Стих. «Перевертень» (1912; «Садок судей II») – образец обращения Х. к жанру палиндрома, к-рому он дает рус. назв. Эта форма связывалась у Х. с идеями обратности, повторности и познаваемости времени» (ср.: Гапаров М. Л., Рус. стих нач. 20 в. с комм., М., 2001, с. 32). Впоследствии Х. написал палиндромами целую поэму «Разин» (1920).

Заходя все дальше в радикальных экспериментах со стихом, Х. в янв. 1914 на заседании акмеистич. «Цеха поэтов» (куда он был кооптирован в февр.) заявил, что кубофутуризм дошел до «отрицания понятий, слов и букв», и прочел «стихотворение», состоящее из зна-

ков препинания: «? – ! – : ...». По свидетельству присутствовавшего там Б. М. Эйзенбаума, «его попросили повторить – он сбился и назвал в другом порядке» (см.: Т и м е н ч и к Р. Д., Тынянов и нек-рые эстетич. мысли 1910-х гг. – В кн.: Тыняновский сб., Рига, 1986, с. 61).

Насмешки критиков, навлекаемые изданиями «Гилеи», вызывало словотворчество Х.: он «помешан на производстве новых слов» (А. Измайлов – БВед, 1913, 26 янв.) и т. п. Положит. оценок было крайне мало. Гумилев назвал Х. и Н. Бурлюка «самыми интересными и сильными» из авторов сб. «Садок судей II» («Гиперборей», 1913, № 5, с. 29). Поэт и теоретик авангарда И. Зданевич на одном из диспутов противопоставил Х., «человека культуры и прекрасного поэта», «мелюзге, сгруппировавшейся вокруг него» (цит. по: Крусанов А., Рус. авангард 1907–1922. Ист. обзор, М., 2010, т. 1, ч. 1, с. 521). К. И. Чуковский не без иронии заявил, что за одну из строчек стих. «Заключение смехом» он поставил бы автору памятник как «Первому Освободителю Стиха» («Шиповник», кн. 22, СПб., 1914, с. 127). На этот отзывотреагировав Лившиц: «Великая заслуга Х. – открытие жидкого состояния языка ... На грани четвертого измерения – измерения нашей современности – можно говорить только Хлебниковским языком» («Первый ж-л рус. футуристов», № 1–2, М., 1914, с. 103).

В период балканских войн усилились панславист. интересы Х. Весной 1913 он сблизился со словен. литератором, деятелем «слав. движения» Янко Лавриним (ненадолго поселившись у него в Петербурге, знакомится с его обширной б-кой по слав. вопросу). Благодаря ему Х. стал внештатным сотрудником новой «беспартийной» газ. «Славянин» (1913). На балканские воен. события откликнулся рассказом из жизни черногорцев «**Закаленное сердце**» (под псевд. В-кий; атрибуция А. Е. Парниса) и тремя статьями, в т. ч. программной «**О расширении пределов рус. словесности**», сформулировав ряд задач для обогащения рус. лит-ры: «Она не знает персидских и монгольских вейний... Индия для нее какая-то заповедная роща ... Мозг земли не может быть только великорусским. Лучше, если бы он стал материковым» (т. 6, ч. 1, с. 66–67). Эту программу Х. частично осуществлял в «Детях Выдры», в написанных в разное время поэмах «**Мария Вечора**» (1908, 1913), «**Марина Мнишек**» (1912–13) и др. и продолжил позднее. Сотрудничество в газете было для Х. неким выходом за пределы аудитории «Гилеи».

В 1913 – году наиб. интенсивной деятельности «гилейцев» – Х. был

провозглашен ими «великим гением современности», несшим «Возрождение Русской литературы». Действительно, среди них Х. занимал особое место: объем его лит. деятельности многократно превышал написанное его соратниками, благодаря чему стала возможна сама борьба «Гилеи» за лидерство в культурной среде Петербурга и Москвы.

Начатый в период «Пошечины...» процесс канонизации Х. его соратники продолжили и дальше. В нояб. 1913 в зале Тенишевского уч-ща в Петербурге Д. Бурлюк прочитал лекцию «Пушкин и Х.» (повторил ее в Политехнич. музее в Москве); назвав Х. «разрушителем» и «создателем», он указал на его особое отношение к языку, на роль мифа в его творчестве и обращение к «арийскому пласту культуры», а также на уникальность его личности. По словам анонимного автора, как только мог... Хлебников – вот новый бог, вот новый кумир» (ПЛ, 1913, 4 нояб.). По поводу «развенчания» Пушкина футуристами Блок заметил 9 янв. 1914: «А что, если так: Пушкина научили л ю б и т ь о п я т ь п о н о в о м у – вовсе не Брюсов, Шегелев, Морозов и т. д., а... футуристы. Они его бранят, по-новому, а он становится ближе по-новому» (Блок А. А., Записные книжки, М., 1963, с. 198).

Х., в силу «застенчивости» редко и не слишком удачно принимая участие в публичных мероприятиях, тем не менее часто посещал знаменитое кабаре «Бродячая собака» (описано в поэме «**Жуть лесная**», 1914, посм.: НП; почти в каждой главе зашифрованы реальные имена и эпизоды). Там случилась его ссора с О. Э. Мандельштамом из-за проходившего в 1913 в Киеве антисемит. процесса над М. Бейлисом. В ответ на позицию Х., отстаивавшего офиц. версию преступления и, по словам В. Б. Шкловского, прочитавшего стих. «с обвинением евреев в употреблении христ. крови» (см.: Парнис – В кн.: Мир В. Хлебникова, с. 642), Мандельштам вызвал его на дуэль (не состоялась); см. дневниковую запись Х. от 30 нояб. 1913 (РГАЛИ, ф. 3145, оп. 1, № 855, л. 34), подтверждающую свидетельство Шкловского.

К янв. 1914 относится скандальная реакция рус. «будетлян» (в первую очередь Х.), заявивших о собств. независимости от европ. футуризма и о приоритете своей группы, на приезд в Россию лидера итал. футуристов Ф. Т. Маринетти. Во время его февр. выступления в Петербурге Х. и Лившиц (см. в его кн.: Полутораглазый стрелец..., с. 474–75) распространили листовку-манифест, направленную против гостя и против инициатора его гастролей Н. И. Кульбина. Х. также выступил с открытым письмом против «французика из Бордо» (т. 6, ч. 1, с. 222). Между тем влияние итальянцев на теорию и практику «гилейцев» очевидно: само слово «пошечина» заимствовано из манифестов итал. футуристов.

А. Е. Кручёных, В. Хлебников. Поэма «Игра в аду». СПб., 1914. Обложка худ. К. С. Малевича.

В 1914, наряду с книгами в соавт. с Кручёных: «Игра в аду» и «**Старинная любовь. Бух лесинный**» (СПб., обе 2-м изд.), выходят два новых сб-ка Х.: «**Изборник стихов 1907–1914 гт. С послесловием речаря**» (СПб.; рис. Филонова), а также «**Творения 1906–1908 г.**» (Херсон; на обложке – М.) – сб-к, составленный Д. Бурлюком, но не авторизованный Х. Он адресует Д. и Н. Бурлюкам письмо-протест, в к-ром требует запрещения книги, поскольку, по его словам, в нее без спросу и в искаженном виде включен «старый бумажный хлам» (т. 6, ч. 1, с. 225), не предназначенный для печати (письмо не было передано адресатам, опубл. посм. в 1931).

Действительно, включение в книгу ранних отрывков в неск. строк закрепляло за Х. образ сочинителя малозначит. фрагментов. Заявление в предисл. Бурлюка (на неумеров. страницах), что Х. «хаотичен – ибо он гений: лишь талант – ясен и строен», – не спасало положение. Впрочем, Х., вставши на защиту собств. репутации, но непослеловательный в своих претензиях, представлял Кручёных и Филову право «изменять текст по вкусу, сокращая... давая силу бесцветным местам» (письмо к Кручёных, весна 1914 – т. 6, ч. 2, с. 161).

В кон. апр. или нач. мая 1914 Х. посещает Астрахань. Его лит. деятельность, участие в скандальном футуристич. движении вызывают у близких недоумение и огорчение. Особенно болезненно реагировал отец, надеявшийся, что сын «одумается» и вернется к науке. 31 авг. Х. записывает в дневнике, возможно не допуская преувеличение: «Я расстался с домом предков. Родителями изгнан...» (т. 6, ч. 2, с. 223).

В Москве в нояб. 1913 Х. сблизился со студенткой Археологич. ин-та Над. Вас. Николаевой (1894–1979). Девушка из зажиточной дворян. семьи входила в круг видных но-

ваторов — художников и поэтов, участвовала в их творч. акциях и во время турне гилейцев выступала как лектор и танцовщица под псевд. Нада Эльснер. Летом 1914 Х. гостила на ее подмосковной даче. Две записи Х. (одна в дневнике, другая на экз. «Творений...», посланном Николаевой) свидетельствуют о том, что в 1914 он серьезно думал о браке; но, сделав ей предложение, получил отказ (см.: Перцова Н.Н., О рукописи Х. «Слова разговоров». — В кн.: Мат-лы междунар. науч. конференции «Возвращение авангарда», Од., 2012, с. 176). Ее образ продолжал вдохновлять поэта: см. стихотв. цикл «Бегство от себя. Воспоминания» (1915–16) и эпизоды пов. «Ка». В письме к ней от 11 окт. 1914 Х. заявляет: «...я должен разорвать с прошлым и искать нового для себя» (подпись <Любящий> В. Хл., — т. 6, ч. 2, с. 165). Эти поиски «нового», вероятно, вызваны не только мыслями о несостоявшемся браке, но и реакцией на нач. 1-й мировой войны, на к-рую Х., охваченный «славян.», геополитич. идеями, собиравшись пойти добровольцем, ему, видимо, воспротивился отец (см.: «Я еду на войну». Письма Х. брату Александру. — В кн.: Архив Н.И. Харджиева. Рус. авангард. Мат-лы и док-ты из собр. РГАЛИ, т. 3, М., 2019; publ., подг. текста, вступ. ст., комм. Х. Барана, А.Е. Парниса).

Х. пытается проверить свою концепцию временных циклов на материале текущих событий. Осенью 1914, находясь в Шувапове под Петербургом, он работает над бр. «Битвы 1915–1917 гг. Новое учение о войне» (СПб., 1914, на обложке — 1915), ставя целью продемонстрировать, что «битвы на море происходят через 317 лет или его кратные ... а также показать смены господства на море разных народов через времена кратные 317» (т. 6, ч. 1, с. 83). Когда его предсказания не оправдались, Х., в конце года оказавшийся в Астрахани, превращает свою «ошибку» в поэтич. текст («В те дни, совсем как и сегодня...» — т. 1, с. 315–16). Х., изучая с т.з. своих числовых гипотез «Труды и дни А.С. Пушкина» Н.О. Лернера, «Дневник» М.К. Башкирцевой, пишет статью о числе «Он сегодня» («Буги на небе»), впоследствии вошедшую в его кн. «Время мера мира» (П., 1916).

В 1-м сб. «Стрелец» (П., 1915), объединившем символистов с футуристами (впервые включенными тем самым в круг ведущих поэтов Серебряного века), Х. печатает поэму «Сельская очарованность», а в февр. — марте 1915 работает над пов. «Ка» (альм. «Моск. мастера», М., 1916); в этом, одном из важнейших его произв., как и в рассказе того же года «Сон», отражены текущие воен. события.

Назв. «Ка» заимствовано у древних египтян: «...это тень души, ее двойник... Ему нет застав во времени... В столетиях располагается удобно, как в качалке» (т. 5, с. 122). Такая мотивировка позволяет автору сконструировать мозаичный сюжет: автобиографич. герой и его Ка путешествуют вместе и врозь, передаваясь из России (1915 в будущее (2222 год) и в глубокое прошлое (Др. Египет), посещая не только разные земли, но и рай мусульман. Текст повести испещрен именами божеств и ист. деятелей

многих эпох, лит. цитатами, отсылками к событиям из жизни автора и его окружения (автобиографич. пласт повести наименее раскрыт).

Ключевую роль в «Ка» играют две пересекающиеся повествоват. линии: история Медлума и Лейли (ср. одним. поэму) и судьба религ. реформатора фараона Аменофиса IV (Эхнатона; у Х. — Эхнатена), совершившего «переворот, заставив подданных вместо неясных божеств поклоняться великому Солнцу» («Время мера мира» — т. 6, ч. 1, с. 110). Тема Эхнатона особенно значима, т.к. Х., воспринимал себя не только как продолжателя дела Аменофиса (он же Аменхотеп) и др. лиц, осуществивших радикальные повороты в духовном развитии человечества, но и как новое воплощение егип. религ. реформатора.

Др. пример построения текста на основе разл. книжных мат-лов — пов. «Есир» (1918–19; посм.: «Рус. современник», 1924, № 4). Ее сюжет восходит к науч. публикациям из 6-ки отца, а также навеян древнерус. «Хождением за три моря Афанасия Никитина». Герой, рыбак Истома из-под Астрахани времен бунта Разина, попав в плен к калмыкам и будучи продан в рабство, проводит в Индии пять лет, знакомится с ее традициями и возвращается домой. Путешествие героя по Индии (заветная мечта самого Х.) — это и путь «искания истины», процесс духовного просвещения.

В сент. 1915 состоялось важное для Х. знакомство с семьей барона, д. стат. сов. А.А. Будберга, принадлежавшей к придворной аристократии. Х. подружился с фрейлинами Инной и Верой (1888–1945); последняя стала его музой — прототипом богини леса Подаги в незаконч. пов. «Скуфья скифа» (1916) и одной из героинь автобиографич. прозы «<Три Веры>» (1915–16), к ней же обращены стх. «Признание» («Вы пошлите ихв...»), «И снова глаза шегольнули...», «Девы и юноши, вспомните...» (все — 1915) и др. Любовь поэта оказалась безответной.

Осенью Х. начинает регулярно посещать О.М. Брику и Л.Ю. Брик. События в их квартире, гл. месте футуристич. встреч, отражены в его дневнике. Записи 1915: Маяковский (по ассоциации с тогдашними коронац. торжествами япон. императора) назвал его «королем рус. поэзии» — 24 окт.; О. Брик «провозгласил тост за короля времени В. Х.» — 31 дек. (т. 6, ч. 2, с. 228, 230).

В нояб. 1915 в Москве Х. выступил в руководимой поэтом и режиссером С.М. Вермелем студии «Башня» с лекцией о «прошлом, настоящем и будущем языка». Осн. положение — «замена в будущем языка слова цифрой» («Моск. мастера», с. 99).

В дек. 1915 Х. посетил «Последнюю футуристич. выставку картин 0,10» в Петрограде, на к-рой К.С. Малевич впервые демонстрировал свои супрематич. работы, в т.ч. «Черный квадрат». Поэт и художник влияли друг на друга. 4 апр. 1916 Малевич писал М.В. Матюшину: «Было у меня Хлеб<ников>», взял несколько рисунков для измерения их отношений и нашел число 317 и, кажется, 365... Найденные числа Хлеба (так! — *Ped.*)

могут говорить за то, что в „Supremus’e“ (т.е. в методе супрематизма — *Ped.*) лежит нечто большее, имеющее непосредств.<енный> закон, или даже тот самый <закон> мирового творчества» (Малевич о себе. Современники о Малевиче, М., 2004, т. 1, с. 80). Свою архитектурную утопию «Мы и дома» (1915, опубл. 1930) Х. предложил проиллюстрировать Филонову (замысел не осуществился). Х. были родственны мировоззрение и манера этого художника (портрет Х. его работы считается утраченным); в пов. «Ка» упоминается одно из гл. его полотен «Пир королей». Х. также было близко творчество В.Е. Татлина: его стх. «Татлин, тайновидец лопастей...» (1916; посм. НП) фиксирует впечатление от «живописных рельефов» и др. конструкций художника.

Еще в 1913 в брошюре-манифесте «Слово как таквое» (М.) Кручёных и Х. сопоставляли поэтику футуристов-«речетворцев» с худож. приемами авангардной живописи: «Живописцы будетляне любят пользоваться частями тел, разрезами. А будетляне речетворцы разрубленными словами, полусловами и их причудливыми, хитрыми сочетаниями (заумный язык)» (с. 12). В одной из позднейших статей, обсуждая направления в рус. авангарде, взрывающие «худож. заповеди», Х. дал понять, что аналитич. метод левых художников во многом совпадает с его поэтикой: «Как химик разлагает воду на кислород и водород, так и эти художники разложили живописное искусство на составные силы, то отымая у него начало краски, то начало черты» (т. 6, ч. 1, с. 148).

В сб. «Взял Барабан футуристов» (П., 1915) Х. опубл. призы — «Предложения» — и антивоен. стх. «Где волк воскликнул кровью...» (последствия вошло в поэму «Война в мышеловке»), ставшее широко известным в устных чтениях Х., в т.ч. в салоне актрисы О.А. Глебовой-Судейкиной. Н.Н. Пунин сопоставил этот текст с контррельефами Татлина и выдвинул, в качестве «объективного признака футуризма», концепцию «разорванного сознания» (в одноим. статье — «Иск-во коммуны», 1919, № 7).

29 февр. 1916 по инициативе Х. было основано утопич. междунар. об-во Председателей земного шара под назв. «Союз 317» (или «Об-во 317»). По мысли поэта, в него должны входить его сподвижники, деятели лит-ры и культуры, ученые и «прекрасные дамы». В тот же день предложения о вступлении в об-во были сделаны Вяч. Иванову и о. П.А. Флоренскому. Первый, видимо, согласился, реакция второго неизвестна. Также в февр. Х. опубл. подборку стх. в сб. «Четыре птиц» (М., 1916), в т.ч. такие приобретшие известность, как «Усадьба ночью, чингисхан!..», «Кубок печенжский» (под неавт. загл.), «Смерть в озере».

В 1916 Х., находившийся у родных в Астрахани, был призван на воен. службу, зачислен в 93-й запасной пех. полк в Царицыне. 25 мая (втайне от начальства, за кулисами) присутствовал на лекции футуристов «Чугунные крылья» (устроена Татлиным и Д.В. Петровским), значит. часть к-рой была посвящена идеям Х. Служба стала для него невыносимой; в мае он написал письмо художнику и, одновременно, врачу Генштаба Кульбину: «Благодаря

ругани, однообразной и тяжелой, во мне умирает чувство языка... Я дервиш, иог, марсианин, что угодно, но не рядовой пехотного запасного полка» (т. 6, ч. 2, с. 179). В др. письме к тому же адресату Х. вновь вызывает о помощи: «Если Пушкину трудно было быть камер-юнкером, то еще труднее мне быть новобранцем в 30 лет» (там же, с. 180). Кульбин направил в соответствующие инстанции письмо о «состоянии психики» Х., что помогло ему получить отпуск с сер. авг. до сер. сент. того же года.

Х. сначала отправился в Астрахань, а в кон. отпуска в Харьков. Именно тогда был напечатан его антивоен. манифест **«Труба марсиан»** (Х., 1916), подписанный также художницей М.М. Синяковой и членами местной группы «Лирень» Г.Н. Петниковым, Н.Н. Асеевым и условно Божидаром (к тому времени умершим). Текст, продолжающий линию футуристич. деклараций, отсылает к книге Г. Уэллса **«Война миров»** (подробнее см.: Ст ар к и н а С., **«Труба Марсиан»** в контексте творч. биографии Х. — В кн.: Труба Марсиан, СПб., 2013). Среди прочего он призывает к отделению «изобретателей» (творцов в сфере науки и культуры) от обкрадывающих их «приобретателей»: «...изобретатели ... ставят между собой и м и железные прутья» (т. 6, ч. 1, с. 250).

В 1916 вышла пьеса Х. **«Ошибка смерти»** (в сб. «Ос», изд-во «Лирень»), написанная «необыкновенно сильными и крепкими стихами и прозой», возможно, «самая доступная из книг Х.» (Кузмин — СевЗ, 1917, янв., с. 263—64). Ее гротескный сюжет восходит к пушкинскому «Пиру во время чумы» и пародирует пьесы Сологуба («Победа смерти») и Блока («Балаганчик», «Незнакомка»).

По окончании отпуска Х. служил в 7-й роте 90-го запасного пех. полка. Он оказывается «в мрачной об-

становке лагеря» (письмо Петникову от 22 дек. 1916 — т. 6, ч. 2, с. 190); подает заявление (февр. 1917) «об отправлении в действующую армию с первой очередной маршевой ротой» (цит. по: Х а р д ж и е в Н.И., Статьи об авангарде, т. 2, с. 291) на имя нач. уч. команды (отклонено). Вскоре после Февр. революции, получив 5-месячный отпуск, Х. уезжает к друзьям в Харьков; в армию он уже не вернулся. В апр. 1917 пишет **«Воззвание Председателей земного шара»** («Временник 2», Харьков, на обложке: М., 1917; за подписями Х., Каменского и Петникова). При подготовке к публикации этого манифеста первонач. текст был ритмизирован и исправлен (письмо Петникова Н.Л. Степанову от 21 янв. 1932 — частный архив). Как видно из «Воззвания...», под воздействием рев. событий прежний утопич. замысел «Об-ва 317» приобрел новую, радикальную форму: поэты, «председатели земного шара», объявляют о ликвидации правительств «отдельных стран прошлого», виновных в мировой войне, и противопоставляют «государствам пространств» «надгосударство звезды», «научно построенное человечество». Тогда же авторы манифеста пишут открытое письмо Горькому с предложением стать чл. «Правительства земного шара» (видимо, писатель отказался).

В мае 1917 Х. отправляется с Петниковым в Петроград для сбора подписей и расширения состава «Правительства земного шара». Здесь он участвует в празднике иск-в в честь Займа Свободы как чл. Лит. курии Союза Деятелей Искусств (ИРЛИ, ф. 474, № 573, л. 1): Х. и Маяковский выступили с грузовика с чтением антивоен. стихов; из них «Сон» («Вчера я молвил „Гуля, гуля“...»), вошедший в поэму «Война в мышеловке», был опубл. в повс. празднику однодневной газ. «Во имя свободы». По свидетельству Х., он и Петников от имени Председателей звонили в Зимний Временному пр-ву, на три дня опередив дату окт. переворота (т. 5, с. 184).

О рев. событиях в столицах см. автобиогр. очерк Х. **«Октябрь на Неве»**: «Первая заглавная буква новых дней свободы так часто пишется чернилами смерти» (газ. «Красный воин», Астрахань, 1918, 6 нояб.). После недолгого пребывания весной 1918 в Москве оказался в мае — авг. в Н. Новгороде, где за подписью Председателей (в осн. местных поэтов) напечатал в альм. «Без муз» текст, впоследствии названный им **«Манифестом скифов»** («Мы, Председатели Земного Шара, приятели Рока, друзья Песни...»).

В сер. авг. 1918 приехал в Астрахань и до сер. марта 1919 провел

время в кругу семьи — последнее посещение родного города. По приглашению знавшего его в Москве поэта и журналиста С.Ф. Буданцева Х. стал сотр. газ. «Красный воин» — органа Астрахан. Военсовета: откликнулся на события культурной, науч. и обществ. жизни Астрахани стихами, прозой и публицистикой. Выявлено 12 его газетных публикаций и объявлений, напечатанных под собств. фамилией, псевд. (Веха, В.Х.) и анонимно. Среди них — стих. «Воля всем», «Ты же, чей разум...» и «Жизнь»; статьи «Открытие художественной галереи», «Астраханская Джоюконда», «Открытие нар. ун-та», «На съезде», «Освобожденная женщина». Это был опыт адаптации Х. к новой полит. жизни и среде.

В сент. участвовал в науч. экспедиции в дельту Волги (в связи с определением места для будущего заповедника) вместе с поэтом Р. Ивневим; во время поездки продиктовал ему три манифеста: **«Индорусский союз»**, **«Азосоюз»** и **«Азия как освободительница мира»** (посм.; полную публ. см.: П а р н и с А., «Евразийские» контексты Х. ...).

В янв. 1919, после конфликта с редакцией, Х. покинул газету и, поступив в Информ. отд. Политдела 11-й армии, был назначен пред. лит. комиссии (Литком). Но уже в сер. марта уехал в Москву в связи с надеждой напечатать сб-к своих произв. В апр. включился в работу Междунар. бюро ИЗО Наркомпроса и принял участие в подготовке нового ж. «Интернационал иск-ва» (с проектом к-рого были связаны Малевич, Татлин, др. левые художники и критики; изд. не осуществлено); для него Х. написал статьи, повс. «закону времени», а также синтезу науки и иск-ва: «Ритмы человечества» (не опубл.), **«Голова вселенной. Время в пространстве»** (посм.: Неизд. Х., в. 27, 1934), **«Колесо рождений»** (посм.: там же, в. 30, 1935), а также ст. **«Художники мира!»** (посм.: там же, в. 6, 1928), в к-рой ставил задачу «создания общего письм. языка» для всех народов, обращаясь прежде всего к художникам Китая и Японии. Вместе с Якобсоном он готовит для изд-ва ИМО (Иск-во молодежи), руководимого Маяковским и Брикком, «Все сочиненное Великим Хлебниковым» в одном томе и с предисл. **«Своясю»** — своего рода комм. к собственному творч. пути (см. т. 1). Для данного издания Якобсон (чьи друж. и творч. отношения с Х. завязались еще в дек. 1913) написал иссл. «Подступы к Х. (опыт поэтич. диалектологии)» (высоко оцененное самим поэтом); выступил с докладом на эту тему в Моск. лингвистич. кружке и на собрании ОПОЯЗа в Пе-

трограде; работа опубликована под загл.: Новейшая рус. поэзия. набросок 1-й: Виктор Х., Прага, 1921 (вышла в кон. 1920).

Для заглавленного тома Х. подготовил поэму «Война в мышеловке» (посм.: Нейзл. Х., в. 5, 1928), скопированную из стих., опубликованную в изд. 1915–19; в дальнейшем он продолжал править часть для самостоят. публикации. Это, одно из наиб. ярких, произв. Х. сочетает антивоен. риторику, подкрепленную целым спектром гротескных образов («Чесала гробнем смерть себя, / Свои могучие власы, / И мошки ненужных жизней / Напрасно хотели ее укусить» — т. 3, с. 181) с сильнейшими лирич. моментами («Вы были строгой, вы были вдохновенной, / Я был Дунаем, вы были Венной...» — т. 3, с. 177).

В кон. апр. 1919 Х. неожиданно уехал в Харьков. В статье-некрологе Маяковский вспоминал: «Года три назад мне удалось с огромным трудом устроить платное печатание его рукописей... Накануне сообщения ему дня получения разрешения и денег я встретил его на Театральной площади с чехомоданчиком „Куда Вы?“ — „На юг, весна!“... и уехал. Уехал на крыше вагона» (М а я к о в с к и й В. В., Полн. собр. соч., т. 12, М., 1959, с. 27).

Последний харьков. период для Х. оказался творчески необычайно плодотворным. Он подолгу живет у друзей, сближается с местными художниками-кубофутуристами «Союза семи», с кругом начинающих поэтов (В. Л. Бессмертный, будущая переводчица Р. Райт и др.). В ж. «Пути творчества» (1919, № 5) печатает стих. («Весны послушники и разговорки...» и др.) и ст. «О совр. поэзии» (1920, № 6–7), в «Сб. нового иск-ва» (Х., 1919) — стих. «Свобода приходит нагая...» и др.

В подготовленной по предложению В. О. Перцова программной ст. «Наша основа» (сб. «Лирень», М., 1920) Х. дает обзор своих опытов с языком, последним этапом к-рых стала новая концепция заумного языка — «грядущего мирового языка в зародыше» (т. 6, ч. 1, с. 175; в др. работах — «звездного языка»). Образцы такого письма. языка были разработаны Х. в последние годы жизни, но подступы к нему прослеживаются уже в его предвоен. статьях.

На основе сопоставлений групп слов, находящихся с одной и той же согласной. Х. приходит к выводу, что каждая согласная обладает нек-рым инвариантным «пространственным» значением, напр.: «В на всех языках значит вращение одной точки кругом другой...», так что «простые тела азбуки — звуки азбуки — суть имена разных видов пространства», и «азбука, общая для многих народов, есть краткий словарь пространственного мира...» («Художники мира!», т. 6, ч. 1, с. 154, 155–56).

Нек-рые стих. Х., напр. «Слово о Э л ь» (1920), задуманные как развернутые доказательства его этимологий, обладают безусловным лирич. обаянием: «Э л ь — это легкие Лели, / Точек возвышенный ливень, / Э л ь — это луч весовой, / Воткнутый в площадь ладьи. / Нить ливня и лужа...» (т. 2, с. 429–30). Др. эксперименты с единицами «звездного языка» (напр., в «Зангези») по преимуществу иллюстративны. Самый же замысел: восстановить первонач.

единство человечества посредством такого языка — утопичен. Наряду с теориями о циклич. строении времени, мировой «звездный язык» мыслился Х. как мощное преобразоват. орудие в руках человечества.

Подход Х. к природе языка, его экспериментальная работа со Словом знаменательно вписываются, даже с определ. опережением, в общий подъем философско-лингвистич. теоретизирования 1-й трети 20 в., рассматривающего язык как ключ к онтологич. реальности и орудие истинного или ложного познания, либо магич. ведения: в Европе — М. Хайдеггер (язык — «дом бытия»), Л. Витгенштейн, Б. Рассел, в России — «философия имени» у Флоренского, С. Н. Булгакова, А. Ф. Лосева, изыскания М. М. Бахтина.

В июне 1919, когда белые вошли в Харьков, Х., спасаясь от призыва в Добровольч. армию, скрывается в усадьбе сестер Сinyaковых в д. Красная Поляна. Здесь он создал ряд значит. произв., в т. ч. поэмы «Ангелы» (посм.: «День поэзии», 1982), «Лесная тоска» (посм.: Собр. соч., т. 4), а также начал продолженную уже вне усадьбы поэму «Полужелезная изба» («Гаршин») (там же, т. 3). Этому творч. периоду можно дать терминологич. назв. «краснополянский».

Осенью того же года Х. попадает на неск. мес. в психиатрич. больницу «Сабурова дача», где, живя впроголодь, переболев тифом, написал навеянную дружбой с сестрами Сinyaковыми поэму «Поэт» (посм.: Собр. произв., т. 1) на заданную в процессе обследования Х. психиатром В. Я. Анфимовым тему «карнавал» (первонач. назв.). «Здесь я показал, что умею писать, как Пушкин» (Мир В. Хлебникова, с. 148). Карнавальное шествие во время праздника весны (с элементами нар. обрядов, отзвуками Г. Р. Державина, Пушкина и др.) становится фоном для разговора между тремя персонажами: русалкой, ее «сестрой» — Богоматерью и поэтом. Русалка, олицетворение поэзии, упрекает поэта (двойника Х.) за то, что он обменял «старый мир» (сказки, фантазии) на мир «рассудка», мир холодных чисел. В финале поэт называет своих собеседниц «изгнанницами», принадлежащими прошлому, и заявляет, что вместе с ними уйдет и он. Конфликт, о к-ром говорит русалка, может быть соотнесен с реальной ситуацией Х., пытавшегося сохранить себя как поэта, несмотря на попрание ученого-мыслителя, поглощенного вычислениями ист. законов.

Особенно близка была Х. художница Мария Сinyaкова, с к-рой он познакомился еще летом 1915 и к-рой обращены стих.: «Сегодня строгою боярыней Бориса Годунова...» (1915, 1916), «Смелей, смелей душа досуга!» (1921?) и др. По свидетельству Петникова («Творения», с. 683), в 1916 Х. написал посв. Си-

nyaкову стих. «Сестер костер» (не найдено); впоследствии он создает поэмы, связанные с карнавальным харьков. миром: «Три сестры» (первонач. ред.: «Мир и остальное», Баку, 1920; сокращ. ред.: «Маковец», 1922, № 2) и «Синие оковы» (1922; посм.: Собр. произв., т. 1; назв. — каламбур, указывающий на фам. Сinyaковы).

В восп. М. Сinyaковой (1939) сохранился выразит. образ Х. В период первого знакомства он был «совершенно изумительный красавец, эlegantный человек. У него был серый костюм, хорошо сшитый... Он был в котелке. Все, что было дальше, ничего общего с этим не имело». Живя в усадьбе сестер в Красной Поляне, он «во всех по очереди был влюблен... это была сплошная влюбленность... Мы его целовали. Он был как младенец, как ребенок, относиться к нему как к взрослому было совершенно невозможно». В Гражд. войну, «когда был уже сильный голод» и когда Х., измученный и без потуг на эlegantность, вышел из психиатрич. больницы, он посоветовал семье Сinyaковых употребить в пищу лягушек и улиток, что и было, по восп. Марии, осуществлено (цит. по: Рус. футуризм: теория, практика, восп., М., 2009, с. 596–98).

В поэме «Ангелы», написанной на тему, заданную Анфимовым и означенную в загл., Х. широко пользуется неологизмами, а в созданной тогда же романтической поэме «Лесная тоска» (последняя ред. — 1921) выступают мифологич. персонажи — Лешак, Вила, Русалка. В поэме о Сабуровой даче «Полужелезная изба» («Гаршин») — в 1880-х гг. этот писатель там лечился — большие обмениваются вестями о событиях Гражд. войны, а страшные образы убитых приводят к вопросу: «Где сумасшедший дом? / В стенах или за стенами?» (т. 3, с. 212).

После прихода красных в кон. дек. 1919 Х. был выпущен из больницы, поселился в коммуне художников. Дружба с нач. особого отдела А. Н. Андриевским, математиком и знатоком поэзии, послужила основой для поэмы «Председатель чеки» (1921; посм.: НМ, 1988, № 10; подг. текста, вступ. ст., комм. А. Парниса); в ней отразились события Гражд. войны в Харькове, в частности зверства ЧК в 1919–20, связанные с именем комиссара С. А. Саенко. Гл. герой, прототипом к-рого стал Андриевский, говорит: «Мне кажется, я склеен / Из Иисуса и Нерона. / ... Помощник смерти я плохой, / И подпись, понимаете, моя / Суровым росчерком чужие смерти не скрепляла, / Гвоздем для гроба не была» (там же, с. 149–50; то же: т. 3, с. 288, с. небольшие пунктуационно-графич. расхождения). Гражд. война — тема поэмы «Ночь в окопе» (М., 1921); сражение между белыми и красными происходит на месте, где стоит древнее «семейство каменных пустынных» (каменные бабы). Столкновение изображено не только в идеологич., но и в метафорич. ключе, как оппозиция между Севером и Югом России; в поэме дан выразит. портрет В. И. Ленина: «Лицо сибирского Востока, / Громадный лоб, измученный заботой. / И, испытывая, вас пронзающее око...» (т. 3, с. 222).

В апр. 1920 гастролирующие в Харькове имажинисты С. А. Есенин и А. Б. Мариенгоф устроили в Гор. театре торжеств. посвящение

Х. в Председатели земного шара — их шутовской церемонией Х. принял всерьез; впрочем, в стих. «**Москвы колымага**», напечатанном с еще двумя текстами («**Горные чары**», «**Город будущего**») в сб-ке Есенина и Мариненгофа «Харчевня зорь» (Х., 1920), он дал иронич. портретный набросок обоих поэтов.

Весной — летом 1920 Х. пишет «сверхповести» «Азы из узы» и «Царапина по небу», поэму «Разин» и центральную для его позднего творчества поэму «**Ладомир**» (в июне издана литогр. способом другом поэта, художником В.Д. Ермиловым; тираж 50 экз. отдан автору). Описание работы над ней оставлено поэтом В.И. Гливенко: «Вначале небольшое стихотворение, затем обростало, расширялось, вклеивались ранее написанные стихи...» (цит. по: П а р н и с А., Об одной загадке в биографии Х. — В кн.: Тихие песни..., М., 2014, с. 268). Этому соч. Х. придавал особое значение: собирался предложить А.В. Луначарскому сменить название гимна Сов. России «Интернационал» на «Ладомир» (свидетельство И.А. Аксёнова. — В кн.: Аксёнов и окрестности, Huddinge, 2012, p. 59). В неологич. назв. со значением «будущая мировая гармония» (см. также: Г р и г о р ь е в В.П., Булетянин, М., 2000, с. 329–34) Х. черпает свое видение счастливого будущего человечества с описаниями прошлых страданий народа и рев. насилие, положившего конец старому строю. Здесь — наиб. полное поэтич. изложение утопич. идей мыслителя, своеобразный путеводитель по его модели мира. В финале — это мир универсальной гармонии на науч. основе, охватывающий все живое: «Я вижу конские свободы / И направле коров, / Былиной снов сольются годы, / С глаз человека спал засов» (т. 3, с. 242).

В Харькове Х. делает попытки устроиться на службу. Он читает курс «Науки о стихе» в лит.-худож. секции Политпросвета (клуб «Грядущее»), выступает в клубе «Коммунист». По восп. Гливенко, «восторженно отзывался о коммунизме», говорил о том, что собрание партячейки «напомнило ему храм, новую религию», и о желании «записаться в партию» (цит. по: П а р н и с А., Об одной загадке в биографии Х., с. 270).

Х. уехал из Харькова, вероятно, в нач. авг. 1920. Видимо, дважды посетил Ростов и принял участие в единств. постановке своей пьесы «Ошибка смерти» силами «Театр. мастерской» в помещении ростовского «Подвала поэтов»; в кон. сент. присутствовал на 1-й конференции Пролеткультов кавказско-донецких оргий в Армавире; затем, скорее всего в нач. окт., прибыл в Баку.

Работал в худож. отд. Бакаввроста, возглавляемом Городецким; сочинял стихотв. подписки к плакатам (не найдены; подробнее см.: П а р н и с А., В. Хлебников: «Ког-

да я жил в Баку, в стране огня...». — «Про книги», М., 2010, № 4, с. 18).

Эту службу в «должности поэта» Х., не прекращая прежнего сотрудничества, в кон. окт. сменил на место вольнонаемного лектора школьно-библиотечной части Волжско-Каспийской флотилии. В то время Х., никогда не стремившийся обеспечить свой быт, а в последние годы подвергшийся моральным и физич. испытаниям, «ходил полубосой, полуодетый, невымытый, нечесанный и вечно голодный. Его диогенство было почти принципиальным» (А. Бородин — газ. «Бакин. рабочий», 1922, 16 июля). Печатался нечасто: стих. «**В берлоге у барона**» (газ. «Коммунист», 1920, 29 окт.), «**Очана-мочана...**» и «**Дуб Персии**» (ж. «Иск-во», Баку, 1921, № 2–3), ст. «**В мире цифр**» (ж. «Военмор», 1920, № 49). Выступал с чтением стихов в бакин. «Цехе поэтов».

«Поэт Хлебников» <у входа на Волково кладбище>. Акварель худ. Б.Д. Григорьева (ж. «Нива», 1911, № 32).

Ко времени работы Х. в Бакаввроста, относится его участие вместе с Т. Вечоркой и Кручёных в создании уникального машинописного сб. «Мир и остальное» (наряду с поэмой «Ладомир», напечатал в нем 5 стих.) — с авт. вставками от руки и с разными обложками, рисованными поэтами. Из 4 или 5 экз. (а не двадцати, как утверждает Вечорка) сохранились лишь 3, обложка одного из них выполнена Х. (В назв. сб-ка обыгрывается псевд. поэта: Велимир.)

В Баку Х. снова встретился с Вяч. Ивановым, в то время проф. Бакин. ун-та, и неоднократно навещал его осенью — зимой 1920/21. Тот опекал Х., оформил его студентом 1-го курса и прикрепил к столовой. Ученик Иванова М.С. Альтман вспоминал о Х.: «Было что-то в нем детски-трогательное; среди всех кругом себя выпячивающих он один был воплощением начала полного забвения себя ... „От него пахнет святостью, я чувю этот запах при входе его“ — сказал мне В. раз» (А л ь т м а н М., Разговоры с Вяч. Ивановым, СПб., 1995, с. 257).

Продолжая работать над проблемой времени, Х., по собств. утверждению, открыл осн. закон времени: «думаю, что теперь так же легко предвидеть события, как считать до 3» (письмо Ермилову от 3 янв. 1921 — т. 6, ч. 2, с. 203). 17 дек. 1920 — дату своей лекции в матросском ун-те «Опыт построения чистых

законов времени в природе и обществе» (сам Х. называл ее «Коран чисел») он впоследствии считал датой открытия этого закона, к-рый сводился к следующему: событие через 2^н-дней усиливается, и это — положит. сдвиг, а через 3^н дней событие превращается в противоположное событие, т.е. победа сменяется поражением, и это — отрицат. сдвиг. Доклад лег в основу ст. «**Остроении времени**» и большого цикла прозаич. и стихотв. текстов, объединенных в 1920–22 под назв. «**Доски судьбы**» (посм.: Отырвок из «Досок судьбы» — Листы 1–3, М., 1922–23).

Пребывание Х. в Баку совпало с развитием рев. событий в соседнем Иране, где в июне 1920 в одной из провинций, при участии Волжско-Каспийской флотилии, была провозглашена Персидская (Гилянская) сов. республика и организована Персидская красная армия; в нее были направлены сов. части. Х., давно мечтавший попасть в Персию, в сер. апр. 1921 неожиданно получил разрешение, в качестве лектора Сектора пропаганды при Политотделе Персармии прибыл в Гилян; печатался в армейской газ. «Красный Иран», выходившей на рус. яз. (о тематике этих стихов говорят их назв.: «Новруз труда», «Кавэ-кузнец», «Иранская песня», «Курильщик ширь»), делал подписи к агитплакатам, выступил с докладом о «законе времени» перед красноармейцами. Местный революционер-коммунист, поэт А. Хесаби, оставил о Х. ценные восп. на перс. яз. (частный архив, не изд.).

К.Б. Томашевский, в то время член Реввоенсовета Персармии, вспоминал, как в «этом рев. средневековье» Х. «бродил по улицам, грыз орехи, изредка сидел в общежитии политотдела и созерцал. Говорил он мало. Был рассеян, но невозмутим»; местные жители называли его «урус-дервиш» — «рус дервиш» (ЛЮ, 1985, № 12, с. 100). О том, как он побывал дом. учителем детей талышского хана, Х. упоминает в стих. «**И вот зеленое ущелье Зоргама...**» и «**Пасха в Эзтели**» (оба — 1921). Вместе с подразделениями Персармии Х., не будучи военнслужашим, участвовал в неудачном походе на Тегеран. Во время отступления неожиданно отделился, бродил один и лишь под конец снова примкнул к отряду.

Творч. итогом пребывания Х. в Иране стала поэма «**Тиран без Тэ**» (см. раннюю публ. поэмы под назв. «Труба Гуль-муллы» — Неизд. Х., в. 26, 1932; также: Собр. произв., т. 1) — своего рода дневник его передвижений по стране и впечатлений от зримой встречи с Азией, игравшей и раньше важнейшую роль в его поэтич. мифологии и теоретич. построениях. Автобиографич. герой почитаем персами («гуль-мулла» — «священник цветов»), сам же он восторженно поэтизирует людей и природу. Х. возвращается к неоднократно варьируемому образу

Разина, на этот раз расподобляя себя с ним: «Я — Разин напротив, / Я — Разин навыворот ... Он грабил и жег, а я слова божок» (т. 3, с. 302). Образ Х. как «Разина напротив» близок к стихотв. декларации «Отказ» (1922): «Мне гораздо приятнее / Смотреть на звезды, / Чем подписывать / Смертный приговор» (т. 2, с. 366).

Вернувшись в июле 1921 в Баку, Х. вскоре перебрался в Железноводск. Здесь его приятели на съемной даче сестры Самородовы, с семейством к-рых он подружился еще в первый приезд в Баку в 1920. Особенно он сблизился с младшей сестрой Юлией, талантливой юной художницей, работавшей с Х. в Баккавоста; к ней обращены два стих.: «Детуся! Если устали глаза быть широкими...» и «Золотистые волосики» (оба — 1921; посм.: т. 2; в последнем анаграмматически зашифрована ее фамилия). Старшая сестра Ольга вспоминала: «Работал он в Железноводске чрезвычайно много ... что-то вписывал в большую книгу, похожую по формату и по виду на конторскую» (С а м о р о д о в а О. С., Поэт на Кавказе. — «Звезда», 1972, № 6, с. 191), упоминавший гротеск Х. начал в Баку и переписывал в него мн. тексты 1920—21. (См. там же приводимые Самородовой отзывы Х. о лит. современниках: о Брюсове — с иронией, о Маяковском и Вяч. Иванове — с теплотой, об А. Белом и др.; тяжело переживал утрату Блока.)

В сент. 1921 Х. переехал в Пятигорск и поступил на службу в Терроста, ночным сторожем при Доме печати. Работа Х. в этой организации стимулировала сочинение утопии «Роста будущего» (первонач. вариант ст. «Радио будущего»): «Роста становится главным духовным солнцем страны, великим чародеем и чарователем...» (т. 6, ч. 1, с. 195; фотография авторской машинки).

Условиями службы, дававшей возможность печататься и писать, он был очень доволен: занимался отделкой поэмы «Разин» и в течение окт. — нояб. написал неск. больших поэм, преим. на темы революции и Гражд. войны: помимо «Председателя чеки», «Переворот в Владивостоке», «Ночной обыск», «Ночь перед Советами», «Горячее поле», «Берег невольников», «Шествие осеней Пятигорска», а также ряд стих.

Поэма «Ночной обыск» (посм.: т. 1), датированная 7 нояб. 1921, тематически и стилистически связана с «Двенадцатью» Блока. В ее сюжете воплощена идея Х. об «обратности событий», о смене действия его возмездие. В послеоктябрьском Петрограде отряд матросов во время обыска обнаруживает в квартире молодого офицера и расстреливает его в присутствии матери. Во время последовавшей попойки один из убийц раздумывает о содеянном и, увидев икону Иисуса Христа, ведет с Богом «разговор» о смерти. Попойка закан-

чивается фатально: мать убитого офицера поджигает квартиру, заперев железную дверь.

В поэме «Ночь перед Советами» (посм.: полностью: Стих., Л., 1940) Х. ищет классовые истоки революции и Гражд. войны: нынешняя массовая жестокость — расплата за ужасы крепостного права. «Когда были господские, / Были мы ровно не люди, а скотские» (т. 3, с. 352), — рассказывает старуха, историю своей бабки «Собакевны», кормившей грудью барского щенка.

В 1921 Х., раньше заявлявший о своем ист. родстве с революционерами человек. духа, неоднократно предается сомнениям и ощущает одиночество на избранном им пути. Так, в стих. «Вши тупо молились мне...» он рисует свое физич. и психологич. состояние в резком противоречии идеальному миру его идей: «Вши тупо молились мне, / Каждое утро ползли по одежде ... Мой белый божественный мозг / Я отдал, Россия, тебе. / Будь мною, будь Хлебниковым ... Все это делал как нищий, / Как вор, всюду проклятый людьми» (т. 2, с. 287).

Уволенный со службы в нач. нояб., Х., больной, лег в пятигорский санаторий, однако лечения не закончил: после неудачи на своем вечере в Лермонтовском нар. ун-те (аудитория не стала его слушать, когда вместо чтения стихов он начал писать на доске матем. формулы и рассказывать о «законе времени») отправился в Москву, куда доехал в кон. дек. 1921, попав в вагон с эпилептиками (отражено в 16-й «плоскости» «Зангези» — «Падучая»).

На второй день по приезде в столицу выступил с чтением стихов вместе с Маяковским, Кручёных и Каменским на вечере Вхутемаса (в студенч. общежитии к-рого провел более трех месяцев, даже называя себя «гражданином ХУТО-МАСа»), и лишь в апр. — нач. мая стал ночевать у знакомых. В янв. 1922 вступил в Союз поэтов (был прикреплен там к столовой), принял неск. попыток напечатать произв. последних лет. Стих. «Ночь в Персии» и «Сегодня Машук как борзая...» появились в ж. «Маковец» (№ 1); Маяковский напечатал 5 марта в «Известиях» стих. Х. «Не шалить!» («Эй, молодчики-купчики...») вместе со своим стих. «Прозаседавшиеся». 1 мая 1922 Х. присутствовал у Бриков на встрече Луначарского с Маяковским и его сподвижниками.

Х. много работает над последними произв., заканчивает «Зангези», готовит к изд. «Доски судьбы». Насчет издат. проектов обращается к Брюсову, Аксёнову и С.П. Боброву. Позже, судя по записи в тетради-сб-ке «Крыса» (см.: V g o o n R., Vel. Xlebnikov's «Krysa», Stanford, 1989, p. 89), он передал ряд своих текстов Есенину, отъезжавшему в Берлин (изд. там не состоялось). Художник П.В. Митурич, свойственник Х., давно интересовавшийся поэтом и познакомившийся с ним в марте 1922, стал его издателем, а впоследствии душеприказчиком. Вместе со своим учеником С.П. Исаковым он печатает литогр.

способом «Вестник Велимира Хлебникова» (1922, № 1, 2) с несколькими стихотв. и прозач. произв. поэта. Работа над рукописями, попытки их публикации проходили в тяжелейших бытовых условиях. Х. одолевают хронич. заболевания; он вынужден выживать без средств к существованию и пост. жилья.

Надеясь поправить слабое здоровье Х., в сер. мая Митурич выезжает с ним в д. Санталово Новгород. губ.; в последних числах месяца перевозит серьезно заболевшего поэта в узедную больницу г. Крестцы; ввиду безнадежного состояния Х., принужден забрать его обратно 23 июня.

В дневнике Митурич фиксирует: «Велимир ушел с земли в 9 часов <утра> 28 июня 1922 г.» (М и т у р и ч П., Записки сурового реалиста эпохи авангарда. М., 1997, с. 22). Он сделал два портрета покойного и после похорон сообщил матери о болезни и кончине поэта. Х. похоронен «на погосте в Ручьях в левом углу кладбища у самой ограды параллельно задней стене между елью и сосной» (там же). При перезахоронении Х. на Новодевичьем кладб. в 1960 (М и т у р и ч Х л е б н и к о в М., Где умер и где похоронен Х. — «Вест. Об-ва Х.», 1996, № 1) осталось сомнение в принадлежности извлеченного праха поэту.

В кон. июня издана «сверхпоэсть» «Зангези» (М.), к-рой Х. придавал особое, программное значение.

Экземпляр книги был привезен в Санталово к уже скончавшемуся автору — факт, вполне в духе трагич. иронии, звучащей в финале этого крупнейшего произв. Х., сост. из разнообразных по жанру и содержанию 21 «плоскости». Б.ч. из них написана в 1920—22; окончат. текст, скомпонованный в янв. 1922, в дальнейшем подвергался изменениям. Как и в «Детях Выдры», композицию скрепляет центр. персонаж — здесь это поэт-пророк Зангези; каждой его утренней песне-проповеди, обращенной с горной возвышенности, к людям или лесу, посв. отд. «плоскость».

Зангези, alter ego Х., оглашает идеи поэта о природе времени и о языке. Его имя, возможно, контаминация назв. двух великих рек: Замбези (Африка) и Ганга (Азия), некая эмблема единства человечества. По др. версии, это имя восходит к калмыцкому: «занг», «зянге» — в значении «весть», «новость». Ученики называют Зангези «чангарой» — неологизм связан с именем индийского реформатора буддизма Шанкара (Шанкарачарья, 788—820). Т.о., Зангези можно рассматривать как гуру, а его выступления — как способ сорвать с глаз слушателей обманное покрывало Майи. Кроме того, фигуры Зангези и поэтик. стиль его проповедей отсылают к соч. Ф. Ницше «Так говорил Заратустра».

В финальной сцене явствен выпад против Маяковского — следствие усиленной болезнью подозрительности Х. После смерти поэта Митурич написал оскорбит. открытое письмо Маяковскому со списком рукоп. покойного, якобы присвоенных адресатом

ИРЛИ, ф. Р. I, оп. 33, № 164 (фотопортрет Х.); ф. 145, № 9, л. 353об. – 354, 362об. (записи в дневнике Б.А. Лазаревского); ф. 377; ф. 709, № 190 (некрологи – вырезки); ф. 726, оп. 2, № 897 (справка о могиле Х.); ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, № 53212 (студенч. дело); Дом-музей Х., Астрахань (семейные документы, фотографии и т.д.); N.Y. Public Library, Archives & Manuscripts Division, Mss Col 19049 (рукописи).

Х. Баран (США), А.Е. Парнис.